

ПРОБЛЕМА «ОСНОВАНИЯ» И НАДСТРОЙКИ

Большой вклад в разработку марксистской социологии Плеханов внес по вопросу диалектики базиса и надстройки. Решая эту задачу, он боролся одновременно и против идеализма, и против вульгарного экономического материализма. Известное положение Маркса в «К критике политической экономии», характеризующие в сжатой форме новую социологическую концепцию, Плеханов называл «алгеброй» общественного развития.

Базисом, определяемым развитием производительных сил, Плеханов вслед за Марксом называет совокупность существующих экономических отношений, решающей стороной которых являются имущественные отношения, отношения частной или общественной собственности. Плеханов не всегда проводит различия между базисом и экономической структурой.

Нередко Плеханов употребляет понятие «основание», куда вслед за Марксом он относит производительные силы и производственные отношения.

В надстройку входят все отражения в сознании людей общественного бытия, в том числе права. Касаясь этого последнего, Плеханов пишет: «На почве данного состояния производительных сил слагаются известные отношения производства, которые получают свое идеальное выражение в правовых понятиях людей и в более или менее „отвлеченных правилах“, в неписаных обычаях и писаных законах».¹ Экономическая структура определяет форму общества, определенное состояние духа и нравов,

¹ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв. Т. I, М., 1956, с. 637

соответствующее этой форме общества, религию, философию, литературу, искусство. «Так образ жизни, — замечает Плеханов, — определяет образ мыслей».²

В одном из вариантов очерка «Маркс» Плеханов подчеркивает монистический характер марксистской социологии. «В философии истории, — пишет он, — как и повсюду, диалектический материализм существенно *монистичен*. Для него не существует в истории различных областей, отделенных друг от друга и соответственно принадлежащих „материи“, „духу“, „разуму“, „экономике“. Вся совокупность общественных отношений проявляется в умственном состоянии людей, *умственное состояние людей влияет на всю совокупность общественных отношений*».³

В «Основных вопросах марксизма» Плеханов, чтобы выразить наглядно материалистическую «алгебру» общественного развития Маркса, прибегает к схематическому выражению ее. Вот эта схема «основания и надстройки».

- «1. Состояние производительных сил;
2. Обусловленные им экономические отношения;
3. Социально-политический строй, выросший на данной экономической „основе“;
4. определяемая частью непосредственно экономикой, а частью всем выросшим на ней социально-политическим строем *психика общественного человека*;
5. различные идеологии, отражающие в себе свойства этой психики».⁴

Плеханов, противопоставляя эту формулу монистическому идеализму Гегеля и философскому эклектизму социологов и историков, замечает при этом: «Это *монистическая* формула. И эта *монистическая* формула насквозь пропитана *материализмом*».⁵

Любая схема имеет свои недостатки, и эта схема Плеханова также не лишена их. В ней показана зависимость «надстройки» от «основания», но не раскрыто обратное ее воздействие на последнее. Скажем, что это требование

² Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. III. М., 1974, с. 46.

³ Там же, с. 49.

⁴ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв. Т. III. М., 1957, с. 179—180.

⁵ Там же, с. 180.

едва ли выполнимо для своего схематического отображения. Эта схема говорит о сложном механизме связей общественных отношений, их последовательности, о диалектике их. Но в схеме есть и свои односторонности.

Плехановская схема, так называемая пятичленка, вывела в свое время многочисленные суждения и истолкования и часто далеко не в пользу ее автора. Между прочим, указывалось, что в формуле Плеханова отсутствует такой важный общественный институт, как государство, что идеология в ней обуславливается свойствами психики и, наконец, в ней не отражен классовый строй общества.

При здравом рассмотрении этой схемы и с учетом всего того, что пишет Плеханов в данной работе и вообще в своих произведениях, нам кажется, отпадают указанные возражения против нее. Проблема государства, как и классов, включается у Плеханова в понятие «социально-политический строй». Однако при всем этом он должен был бы отразить в содержании схемы проблему классов и классовой борьбы.

Много страниц в своих произведениях Плеханов посвящает выяснению вопроса о связях и зависимости социально-политического строя, классов, государства и политики (внутренней и внешней) от экономического развития «основания» общества. На примере России различных времен, начиная с эпохи Петра I, он вскрывает механизм этой связи и зависимости, вместе с тем показывая, что они не всегда проступают в своей прямой непосредственности. Задача историка заключается в выяснении как прямых, так и опосредованных связей, в рассмотрении всех звеньев общей цепи зависимости общественных компонентов от экономики.

Плеханов очень тонко замечает, что нас с полным правом можно упрекнуть в формализме, «если бы по отношению к какому-нибудь данному обществу мы повторяли бы только, что *анатомия этого общества коренится в его экономике*. Это бесспорно, но этого недостаточно, надо уметь делать научное употребление из научной идеи; надо отдавать себе отчет во всех жизненных функциях этого организма, анатомическое строение которого определяется экономикой; надо понимать, как он движется, как питается, как возникающие в нем *благодаря этой анатомической структуре ощущения и понятия становятся тем, чем*

они *являются*; как изменяются они вместе с наступившими изменениями в этой структуре и т. д. Только при этом условии мы сможем пойти вперед; и только соблюдая это условие, мы можем быть в этом уверены».⁶

Плеханов в своих возражениях противникам материалистического объяснения истории неоднократно подчеркивал, что в своем понимании они вульгаризируют его содержание, не хотят понять, что, исходя из этого принципа, можно объяснить не только внутренний общественный строй, но и международные отношения. В своем открытом письме к В. А. Гольцеву «Несколько слов в защиту экономического материализма» он писал: «Вы замечаете, милостивый государь, что история сложнее, чем это думают экономические материалисты. Я отвечаю вам: теория экономического материализма несравненно шире и сложнее, чем это думают ее противники».⁷

Касаясь войн в современную эпоху, Плеханов писал Гольцеву, что «характер войны и социальные последствия военных столкновений определяются в последнем счете ходом экономического развития».⁸

Что же касается соотношения психологии эпохи и идеологии в схеме Плеханова, то нет основания считать, что идеологии выводятся им только из психологии, под которой он понимает, между прочим, дух эпохи, именно психологию определенного класса, о чем Плеханов говорит в своих пояснениях схемы, именно четвертого и пятого пунктов. Он ссылается на пример французского романтизма: «Виктор Гюго, Эжен Делакруа и Гектор Берлиоз, — пишет Плеханов, — работали в трех совершенно различных областях искусства... И все-таки этих трех замечательных людей справедливо называют *романтической триадой*. В их произведениях отразилась одна и та же психология».⁹ Психологию французского романтизма, по мнению Плеханова, мы можем понять только тогда, когда мы взглянем на нее, как на психологию буржуазного класса.

Из произведений Плеханова со всей очевидностью вытекает, что он дифференцированно подходит к анализу

⁶ Там же. Т. II, М., 1956, с. 187.

⁷ Там же, с. 210.

⁸ Там же, с. 212.

⁹ Там же, т. III, с. 180.

элементов надстройки. В соответствии с реальным процессом надстройку он выводит из экономического основания либо прямо — для одних ее форм, что происходит редко, либо, что случается большей частью, опосредованно через связи и влияние с другими надстроечными формами. Но в последнем случае он обязательно отмечает связь и зависимость форм надстройки от экономического базиса и соответствующих ему производительных сил. Эта связь и зависимость не прямые, а опосредованные подчеркивал Плеханов. «В области идеологий многие явления могут быть только косвенным образом объяснены влиянием экономического движения. Это очень часто бывают не только противники, но и сторонники исторической теории Маркса». ¹⁰ Но вместе с тем в конечном счете через ряд посредствующих звеньев даже такая абстрактная область, как философия, оказывается зависимой от изменений экономики эпохи.

В «Очерках по истории материализма» Плеханов, анализируя развитие философской мысли во Франции, показывает механизм связи философии с экономикой со времени Декарта до появления французского материализма, зависимость философских учений от экономических отношений того времени. Он пишет, что «...во времена Декарта производственные отношения Франции, если ограничиваться здесь одной только Францией, еще содействовали развитию производительных сил, в то время как спустя столетие они стали *препятствием* для них. Надо было их разрушить, а чтобы их разрушить, надо было напасть на освящавшие их идеи. Вся энергия материалистов этого авангарда теоретиков буржуазии, сконцентрировалась на этом пункте, и все их учение приняло боевой характер... Когда цель была достигнута, когда устаревшие производственные отношения были разрушены, философская мысль приняла другое направление, и материализм на долгое время потерял свое значение. Развитие философии во Франции следует за изменениями в ее экономике». ¹¹

Буржуазные теоретики обычно упрекали Плеханова в вульгарном решении проблемы соотношения экономики и идеологии. Так, М. Булгаков в своей рецензии «Г. Плеханов. Основные вопросы марксизма» в журнале «Русская мысль», ссылаясь в частности и на это объяснение Плеханова о причинах появления философии Декарта, делал вывод, что автор придерживается типичного экономического материализма. ¹²

Позиция Плеханова в объяснении взаимоотношения искусства и экономики ничего общего не имеет с подобными воззрениями экономического материализма, которые ему приписывались. Это относится и к более позднему времени. Так, Фриче утверждал, что, по мнению Плеханова, ни географическая среда, ни «гениальная личность», ни влияние одной страны на другую не могут объяснить нам ни сущность данного искусства, ни законов его эволюции, а только будто бы экономика. ¹³ На самом деле такой подход свидетельствовал лишь о вульгарных взглядах самого автора этих слов.

Говоря о связи и зависимости философии от экономического движения, Плеханов указывал, что при этом связь и зависимость в конечном счете обнаруживаются очень часто на больших отрезках исторического развития. Под таким углом зрения он рассматривал различные исторические этапы развития философской мысли в различных странах. Он категорически восставал против вульгаризации решения указанной проблемы. В своей рецензии на книгу В. Шулятикова «Оправдание капитализма в западноевропейской философии», как мы отмечали, он подверг бичующей критике вульгарную позицию автора.

Вопрос о диалектическом соотношении экономики и надстройки Плеханов ставит исключительно глубоко. Он указывает, что коренные изменения в экономике совершаются не сами собой, а через надстройку. Надстройка — не пассивная функция экономики. Напротив, «Движение человечества, — пишет Плеханов, — от точки А до точки В, от точки В до точки С и т. д., вплоть до точки S, *никогда не совершается в плоскости одной экономики*. Чтобы перейти от точки А до точки В, от точки В до точки С и т. д., нужно каждый раз подняться в „надстройку“ и совершить там некоторые переделки. Только совершив эти переделки, можно достигнуть желанной точки. *Путь от одной точки поворота к другой всегда*

¹⁰ Там же, т. II, с. 176.

¹¹ Там же, с. 177.

¹² Русская мысль, 1909, № 5, с. 120.

¹³ Под знаменем марксизма, 1922, № 5—6.

лежит через „надстройку“. Экономика почти никогда не торжествует сама собою, о ней никогда нельзя сказать *fará da se*. Нет, никогда не *da se*, а всегда *только через посредство надстройки*, всегда *только* через посредство известных политических учреждений». ¹⁴

Однако воздействие политических учреждений на экономику с целью ее изменения предполагает изменения и в других частях надстройки.

«От чего зависят политические учреждения данной страны? Мы уже знаем, — пишет Плеханов, — что они выражают собою экономические отношения. Но для того, чтобы войти в жизнь, эти подсказываемые экономикой политические учреждения должны предварительно пройти через головы людей в виде известных *понятий*. И вот почему человечество никогда не может перейти от одной поворотной точки своего экономического движения до другой, не пережив предварительно целого переворота в своих *понятиях*». ¹⁵

Эти положения Плеханов пространно развивает в своем открытом письме к Гольцеву, давая отпор всем тем, которые односторонне трактовали материалистическое понимание истории в качестве теории экономического автоматизма. Он обращает внимание в этих изменениях на политический фактор, под которым он понимает политические учреждения, партии, политические теории, политическое сознание людей. Именно этот политический фактор в различных своих компонентах и выступает в антагонистическом обществе в качестве средства изменения и развития экономики.

В конспекте своего реферата, прочитанного в Берне (1896), Плеханов замечает: «Может ли экономия что-либо сделать сама собою? Нет, только путем политической борьбы. Политическая борьба необходима для обеспечения экономических интересов». ¹⁶

Энгельс, как и Маркс, замечает Плеханов, отвергал «автоматическое» понимание исторического действия экономики. «Исторический материализм Маркса—Энгельса, — писал он, — объясняющий политические учреждения со-

циальным строем, а социальный строй общественной экономикой, окончательно выяснил взаимное отношение экономического и политического „моментов“ общественного развития. Маркс и Энгельс прекрасно понимали огромное историческое значение политического „момента“. Именно по этой причине они сами деятельно занимались политикой». ¹⁷

Подчеркивание значения политики, политического фактора в изменениях экономики составляет заслугу Плеханова, и нам кажется, что М. Н. Покровский был не прав в своих упреках Плеханову за якобы абсолютизацию им политического фактора в объяснении истории русской общественной мысли и недооценку экономики.

Плеханов употреблял понятие фактора при рассмотрении категорий материалистического понимания истории в кавычках. Критикуя позицию Михайловского, Гольцева, Кудрина и других, он обращает внимание на единство всех сторон общественной жизни, конечно, подчеркивая в этом вопросе решающую сторону — экономику, внутренне связанную с другими сторонами жизни. В работе «О материалистическом понимании истории» Плеханов подверг глубокой и обоснованной критике теорию факторов. Это составляет его несомненную заслугу в истории социологии, в марксистской литературе. Он подчеркивал, что эта теория дальше констатирования простого взаимодействия факторов в общественной жизни не идет, но в конечном счете ее сторонники склоняются к признанию за «духовным фактором» господствующего положения. Плеханов критикует эту теорию в гносеологическом и социологическом плане. «Социально-исторический фактор, — пишет Плеханов, — есть *абстракция*, представление о нем возникает путем *отвлечения (абстрагирования)*. Благодаря процессу абстрагирования различные *стороны* общественного *целого* принимают вид обособленных *категорий*, а различные проявления и выражения деятельности общественного человека — мораль, право, экономические формы и проч. — превращаются в нашем уме в особые силы, будто бы вызывающие и обуславливающие эту деятельность, являющиеся ее последними причинами.

¹⁴ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. II, с. 216.

¹⁵ Там же, с. 216.

¹⁶ Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. I. М., 1973, с. 39.

¹⁷ Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. Т. I, СПб., 1914, с. 17—18.

Раз возникла теория факторов, необходимо должны начаться споры о том, какой фактор нужно признать господствующим». ¹⁸

Плеханов вскрывает один из важных гносеологических корней теории факторов — именно разделение труда между различными науками об обществе. «Теория факторов растет, кроме того, вместе с ростом разделения труда в общественной науке. Все отрасли этой науки — этика, политика, право, политическая экономия и проч. — рассматривают собственно одно и то же: деятельность общественного человека. Но они рассматривают ее каждая с своей особой точки зрения. Г-н Михайловский сказал бы, что каждая из них „заведует“ особою „струною“. Каждая „струна“ может быть рассматриваема как фактор общественного развития. И в самом деле, мы можем теперь считать почти столько же факторов, сколько существует отдельных „дисциплин“ в общественной науке». ¹⁹

Оценивая теорию факторов в общественной науке, Плеханов приходит к заключению, что исторически она означает известный прогресс на пути истинного познания, но она представляет собой лишь его ступеньку. По своему существу и выводам в целом она односторонняя. Плеханов солидаризируется с положением Антонио Лабриоли о том, что «исторические факторы представляют собою нечто гораздо меньшее, чем наука, и гораздо большее, чем грубое заблуждение». Плеханов добавляет от себя: «Теория факторов принесла свою долю пользы науке». ²⁰ В своих замечаниях на произведение Ключевского, Милукова и других историков Плеханов отмечает некоторые позитивные черты и одновременно односторонность и поверхностность этой теории.

Но как бы она ни была полезна в свое время, в настоящее время, замечает Плеханов, она не выдерживает критики. «В истории развития общественной науки, — очень тонко замечает Плеханов, — эта теория играла такую же роль, как теория отдельных физических сил в естествознании. Успехи естествознания привели к учению об единстве этих сил, к современному учению об энергии. Точно так же и успехи общественной науки должны были по-

¹⁸ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. II, с. 241.

¹⁹ Там же, с. 240.

²⁰ Там же, с. 242.

вести к замене теории факторов, этого плода общественного анализа, *синтетическим взглядом на общественную жизнь*». ²¹

В области идеализма это было сделано Гегелем, который эклектизму в социологии противопоставил монизм. Марксизм дал единственно правильное, монистическое решение на базе материализма.

В связи с критикой Плехановым теории факторов следует остановиться на его выступлениях против эклектизма ревизионистов. Его заслугой является опровержение ревизионистской критики марксизма, теоретическим основанием которой был эклектизм. Формой искажения материалистического понимания истории Бернштейн и другие ревизионисты избрали теорию факторов. Ревизионисты требовали «исправления» положений Маркса об определяющем значении «техничко-экономического фактора» в истории, уменьшение его значения и привлечения для объяснения развития общества духовных факторов. Бернштейн писал: «Чтобы жизнь понять во всех ее многообразных формах, нужно призвать на помощь синкретический или эклектический методы». ²²

Плеханов показывает несовместимость эклектизма с историческим материализмом. Эклектизм, обосновывая примирение противоречий, выдвигает принцип классового примирения. Об этом со всей ясностью писали буржуазные теоретики. Так, например, П. Хелбек заявлял: «Социал-демократический ревизионизм совершенно упраздняет исторический материализм, не останавливаясь даже перед самим термином». ²³

Между материалистами-диалектиками и экономическими материалистами, писал Плеханов, лежит целая пропасть: «Диалектический материализм впервые придает названной науке ту „строгость“, которую часто кичилась перед нею ее сестра — наука — природа». ²⁴ Это является результатом диалектического подхода к изучению общественных отношений.

²¹ Там же.

²² Bernstein E. An meine sozialischen Kritiker. — Sozialistische Monatshefte, 1900, S. 13.

²³ Helbeck P. Die Lehre des Marxismus und die revisionistische Strömungen in der Sozialdemokratie. Heidelberg, 1905, S. 35.

²⁴ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. II, с. 244.

Диалектический метод требует диалектического рассмотрения общества. Влияние экономики на общественную жизнь различно. «Иногда „экономика“ влияет на поступки людей через посредство „политики“, иногда через посредство философии, иногда через посредство искусства или какой-нибудь другой идеологии, и только по временам, на *позднейших ступенях общественного развития*, экономика является в сознании людей в своем собственном „экономическом“ виде. Чаще всего она влияет на людей через посредство всех этих факторов вместе, причем их взаимное отношение, равно как и сила каждого из них в отдельности, зависит от того, какие именно общественные отношения выросли на данной экономической основе, что, в свою очередь, определяется характером этой основы».²⁵

Только диалектика решила спор в пользу монизма, дала точное понимание исторических процессов. Она же раскрыла суть соотношения детерминированности и активной деятельности субъекта. Исследуя диалектико-материалистическую методологию Плеханова, Бэрн обнаруживает непонимание самого ее существа. Он упрекает последнего в фундаментальном несоответствии, противоречивости его решения о детерминированности поведения людей и одновременно в допущении активного воздействия людей на исторический процесс, признания, по терминологии Бэрна, «свободы воли», их субъективных действий. В действительности же, можно заключить, утверждает Бэрн, что «Плеханов считал все поведение человека детерминированным, и, таким образом, его система взглядов была закрытой системой».²⁶ В нарушение этой «закрытой системы» Плеханов в ряде случаев открывает путь «для свободной воли влиять на ход истории».²⁷

Позиция Бэрна, как и других буржуазных теоретиков, характеризуется непониманием диалектики объективного и субъективного факторов исторического процесса. Все они считают, что Плеханов потерпел неудачу в попытках разрешить проблему соотношения «свободной воли» и детерминизма.

²⁵ Там же, с. 292.

²⁶ Baron S. Plekhanov the Father of Russian marxism. Stanford, Calif., 1963, p. 391.

²⁷ Ibid., p. 292.

Значительное внимание Плеханов уделяет вопросу о значении политической организации, политики и политической борьбы в изменении и переустройстве социально-экономических отношений. «Всегда и везде, — пишет Плеханов, — политическая власть была рычагом, с помощью которого добившийся господства класс совершал общественный переворот, необходимый для его благосостояния и дальнейшего развития».²⁸

Касаясь роли буржуазного государства в укреплении экономической системы эксплуатации наемного рабочего класса, Плеханов отмечал, что «государство есть крепость, служащая оплотом и защитой его притеснителям, крепость, которою можно и должно овладеть, которую можно и должно перестроить в интересах своей собственной защиты, но невозможно обойти, полагаясь на ее нейтралитет».²⁹

Вопросам обоснования активной роли политического фактора в его различных компонентах Плеханов уделяет большое внимание еще начиная с первых своих работ «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия» и др. Плеханову принадлежит историческая заслуга обоснования марксистского решения проблемы соотношения политики и экономики, активной роли первой и определяющего значения последней. В своей полемике с народниками он подверг критике различные формы субъективистского понимания политической борьбы и ее концептуального значения у Бакунина, Лаврова, Ткачева, народо-вольцев.

Правильно решая вопрос о роли политической надстройки в диалектическом процессе общественного развития, Плеханов все же, во-первых, мало уделяет внимания разработке вопроса о государстве, в особенности о капиталистическом государстве, и, во-вторых, допускает серьезную теоретическую ошибку по вопросу о природе антагонистического государства в связи с тем, что он в свой меньшевистский период политической деятельности выдвинул ложную формулировку о том, что не только борьба классов, но и их сотрудничество в различных областях общественной деятельности обуславливает общественно-исторический процесс. Этот тезис Плеханов отстаивал

²⁸ Плеханов Г. В. Избр. филос. прозв., т. I, с. 76.

²⁹ Там же, с. 83.

в годы империалистической войны и позже, и это же положение нашло свое отражение в содержании его произведения «История русской общественной мысли». На рассмотрении этого последнего вопроса мы остановимся в одной из последующих глав.

В связи с вопросом об отношении «основания» к надстройке возникает проблема отставания и опережения сознания, идей от существующего положения вещей — экономических и социальных отношений в обществе. Плеханов неоднократно останавливается на диалектике этой стороны исторического процесса. Противники материалистического понимания истории всячески пытались фальсифицировать марксистское решение вопроса, усматривая в нем противоречие.

Касаясь антагонистического общества и полемизируя с Г. Кроче по указанному вопросу, Плеханов пишет: «Но ход *идей* опережается ходом *вещей*. Поэтому *сознание людьми* отношений, существующих между ними в общественном процессе производства, отстает от *развития* этих отношений. Кроме того, даже в пределах одного и того же класса сознание развивается не одинаково быстро: одни из его членов раньше, другие позже схватывают сущность данного порядка вещей».³⁰ Развитие сознания отстает от развития экономики. Но всегда ли? Нет, не всегда.

Но где же начинается переход к опережению сознанием существующего порядка вещей? «Борьба против устарелых производственных отношений, — пишет Плеханов, — заставляет людей встать в критическое отношение не только к старому общественному порядку, но также к тем идеям, к тем чувствам и вообще к той „психике“, которая выросла на почве старого порядка. Революционному движению в области общественных отношений соответствует поэтому революционное движение в области духовной жизни».³¹

Общественно-преобразовательная роль сознания, таким образом, проистекает из материальных условий социальной жизни. Именно отсюда возникает в конечном счете возможность опережающего значения идей, активное влияние прогрессивных идей.

³⁰ Там же, т. II, с. 482.

³¹ Там же, с. 486.